

российский фонд помощи

Ульянин двор

Похвальное слово анониму

Лев Амбиндер
руководитель Российского фонда помощи

Российский фонд помощи был создан осенью 1996 года. Он действует как посредник между людьми, которые оказались в беде, и людьми, готовыми им помочь. Фонд получает письма-просьбы и после тщательной проверки публикует их. Вы звоните в фонд, получаете адреса, банковские реквизиты и лицевые счета тех, кого хотите поддержать, и дальше действуете самостоятельно.

Многих это удивляет.

На днях меня сильно достал один телефонный Дед. «Не приходится ли вам задумываться,— строго так спросил он,— о происхождении этой анонимной помощи? Ну хотя бы для себя вы ответили на вопрос: а почему ваши помощники-анонимщики слышать отказываются называться?»

Российский фонд помощи — посредник между нуждающимися и готовыми помочь. И тех, и других немало

Я обещал подумать и положил трубку. Бывает. Нам звонят часто и по разным поводам. Случается и по пустякам. Но больше по делу. Собственно, вся деятельность фонда — это телефонная да редакторская канцелярско-рутинная работа с почтой. Проверки писем при помощи местных администраций, выяснения банковских реквизитов, телефонных станций, заводских поставщиков, торговых компаний, выбивание гарантий («А что, если наши читатели перечислят вам деньги для Галактиона Апполонариенчука, вы точно ему сделаете операцию... установите квартирный телефон... отпустите клавишу YAMAHA PSR 510... мотоободку именно Минского тракторного завода... инвалидную коляску модели наверняка M-700?..» и т. д. — в зависимости от просьб наших бедолаг). Сами того не подозревая, мы, чисто журналистская поначалу организация, сейчас, через два года после первых публикаций фонда в журнале «Домовой», превратились для тысяч людей в «инстанцию». Хотя у нас даже расчетного счета в банке нет. В этом, кстати, и главный принцип: Российский фонд — лишь посредник между нуждающимися и готовыми помочь.

Уже потом я поймал себя на мысли, что даже не удивился звонку и тону телефонного Деда. Только подумалось не иначе как персональный пенсионер союзного значения и явно знает толк в подобных разговорах. Тот был старорежимный, точнее — партконтрольный. Вот так же анонимщики прежде поучали в трубку газетчиков. Только в отличие от моих анонимов, одаривающих конкретных людей, те строчили доносы — и тоже на вполне конкретных соседей и коллег, подписываясь «Доброжелатель» либо «Защитник угнетенных». Мне еще повезло застать в прежних редакциях писания этих борцов с отдельными недостатками социализма.

А через час Дед позвонил вновь. И стало тоскливо. «Ну и что,— спросил он толистым сытым голосом,— надумали?» — «Чего надумали?» — не понял я. — «Как будете в прокуратуру отводить держак за эти черные анонимные денюжки?» — Дед словно резал по металлу. — Я документ уже составил. Потому что вы работаете с деньгами убийц и проходимцев».

Потом Дед звонил еще дважды. Он сообщил, что считает «как пересылки денег моральным откупом негодяев», что находит наше занятие «форменным беспресделом в отмытые бандинские деньги» и что требует «от лица общественности» самоликвидации фонда.

Так и сказал: от лица общественности... Вот только тут я удивился. Четырежды позвонивши, он ни разу не поинтересовался теми, кто нам пишет, кому помогают эти бесfamilьные Иры, Лены, Елены, Елены Борисовны, Маргариты Александровны, Николаи, Надежды Петровны, Георгии, Валдимы, Татьяны, Ольги (и еще сотни так и оставшихся бесfamilьными для читателей, а часто и для меня людей!). Ни одного вопроса об отчаянии писем, о страхе их авторов перед будущим. Об их вере в отзывчивость незнакомых сограждан. О надежде на лучшую жизнь.

И тогда я подумал: какого черта?! В чем мой благочестивый партдед может подозревать сотни москвичек, разославших по стране за два неполных года более двух тысяч посылок с добротными вещами, лекарствами, инструментом, по отказавшихся назвать свои фамилии? И чем провинился москвич, передавший \$8 тыс. на лечение тяжелой больной чеченской девочки Сеперг, запретив публиковать даже свое имя? Или гурюшка преподавателей одного из престижных вузов столицы, ежемесячно (!) в течение полутора лет (!!) передающая по \$1 тыс. (!!!) в Республиканскую детскую клиническую больницу? Или русская семья из Прибалтики, анонимно оплатившая лекарства стоимостью свыше \$20 тыс. саратовского паренку Славке Кириухину? Или фирма, официально подарившая группе миссеровиды имени о. Александра Меня микроавтобус «Газель» за 78 тыс. рублей, но просившая не упоминать в печати ее названия?

Перечень наших анонимов можно, понятно, продолжать. За эти два неполных года только денег собрано и отправлено почти четыре миллиона дееноминарованных рублей. Почти все анонимно («Коммерсантъ», вероятно, помнит совместную (газеты и фонда) прошлогоднюю декабрьскую акцию помощи семьям трагически погибших горняков шахты «Зырянская» в Кузбассе. Тогда осиротевшим семьям читателей перечислили 279 тыс. дееноминарованных рублей. При этом, кстати, выяснилось, что газета живет значительно дольше, чем один день, если задает за живое. Номера лицевых счетов шахтерских вдов у нас запрашивали еще и два месяца спустя.

Впрочем, и наш аноним бывает разный. Редко, но случаются болтуны. Иной откликнется, набоещав с три короба, а назавтра забудет. (Об одной такой тяжелой истории рассказывает священник Георгий Чистяков на этой странице.) Обидно? Еще как. Но обвинять такого, в сущности, не в чем. Как говорится, не обязан. Да и не наше это дело — обвинять. Разве что посоветовать: уж если решился, то не тяни.

Большинство же помощников категорически не желают славы и благодарностей. (Даже денежные переводы многие подписывают нашим адресом.) Почему? И если не жаждут славы и рекламы, то что им движет, молодым и не оchen?

Мы с вами, мне кажется, знаем.

А Деду, похоже, уже не узнать. Он, кстати, так и не назвался.

Адрес фонда: 125252 г. Москва, а/я 50, Российский фонд помощи. Тел.: (095) 956-71-87, факс: (095) 956-22-09.

Фермер Марина Николаевна Ульянина прислала нам письмо. В письме она говорила, что цель имеет благородную и, можно сказать, святую — поднять деревню. Что деревня — это и есть Россия и поднимать ее кроме нас никому. А еще она хочет накормить стариков и инвалидов дешевыми овощами и даже знает, как это сделать. Фермерствовать надо, работать, кормить народ. Для этого у Марины Николаевны есть ферма. Только вот на ферме нет электричества. Провести его стоит 250 тыс. рублей. Причем, как только зажжется на ферме первая лампочка и заработает первый, ну скажем, сепаратор, государство обещает все затраты сразу компенсировать. Так что денег Маринина Николаевна просит не насовсем, а в долг. Взяла бы и сама кредит в банке, да нечего заложить под него, поскольку земля в России не может быть частной собственностью. Дорогие читатели, нужно 250 тысяч рублей, чтоб поднять деревню, накормить стариков и устроить счастье на одном отдельно взятом хуторе, — призывает специальный корреспондент «Коммерсанта» ВАЛЕРИЙ ПАНЮШКИН.

Дом окнами в поле

Стоит дом. Окнами в поле, все как полагается. Его видно издали, но, когда уже совсем вроде близко подъезжаешь и остаешься до дома километра два, дорога вдруг обрывается. Становится сплошной чередой ям, черных луж и сухих корок земли, которые под колесами лопаются. Машина скользит и с недобрым скрежетом садится брехом на грунт.

Линия электропередач тоже за два километра до дома вдруг вылетает куда-то в сторону и через поля прямоком уходит к поселку деревенского типа Озерки, населенному счастливыми людьми, которые знают в лицо Татьяну Миткову и Арифу Шаропову. Всего то и ехать часа три. Московская область, Серебряно-Прудский район. Хутор, или, как это теперь называется, фермерское хозяйство Лидино. Дом окнами в поле, заросшее бурьяном. А живет в доме Маринина Николаевна Ульянина. Доцент МИФИ, депутат Московской городской думы прошлого созыва, помощник депутата созыва теперешнего. Фермер и борец за идею.

Маринина Николаевна точно знает, что если вкладывать в землю душу, земля отдаст сторицей. Только где она душа-то у человека неизвестно. И как ее вкладывать, тоже никто не знает. Вот если бы были у Маринины Николаевны капиталы, она бы их вложила. Но капиталов нет, а есть только зарплата доцента. И Маринина Николаевна вкладывает зарплату. А еще она вкладывает труд, время,

Фермер Ульянина точно знает, что если вложить в землю душу, то земля отдаст сторицей

силы. Только все это не помогает; земля не отдает не то что сторицей, но даже не окулает затрат. И поэтому год от года посевные площади в Лидино все сокращаются, и от этого жить там становится еще грустнее. Особенно зимой, когда по снегу воды из колодца ведрами не натаскаешься. Особенно на Новый год, когда в поселке деревенского типа Озерки президент очень громко обращается к дорогим россиянам, а тут в Лидино по случаю праздника стоят на столе две керосиновые лампы вместо одной.

Тоска. Бедность. Соседи Маринина Николаевна, колхозники, давно уже пьют по этому поводу горючку, но Маринина Николаевна продолжает бороться и надеяться. Потому что кроме дочери Лидии и ухаживающей надежды на счастливую жизнь, ничего у фермера Ульяниной нет. Даже земли. Земля принадлежит государству, которое не хочет или не может ее обустроить.

Кто поднимет деревню

Маринине Николаевне всегда казалось, что исправить жизнь к лучшему можно. Она даже поэтому пошла в депутаты. Тогда все пошло в депутаты. Было время подъема политического самосознания народа. Люди маршировали по улицам с трехцветными флагами. Казалось, вот еще немного и заживем.

Правда, скучные заседания разочаровали Марину Николаевну. Но еще больше ее разочаровали встречи с избирателями. Люди, приходившие к ней на прием, как правило, имели нежелательные мелочные и неважные не ее взгляд проблемы. Крыша протекла, стена обвалилась, пенсию надо повысить на тринадцать рублей. Глаза у людей были грустные, выражения лиц безнадежные: «Мне б только пенсию повысить...»

Маринина Николаевна даже злилась. Как же, дескать, такая богатая страна, земля, недра, ресурсы, люди. А тут сидит в приемной целая очередь с обреченым видом, и каждый только и мечтает выключить у государства нищенскую пенсочку. От этих мыслей Маринина Николаевна поехала в Серебряно-Прудский район получать землю. Это было в 1992 году. Обратилась в Земельный комитет. Закончила школу фермеров. Земельный комитет дал ей 30 гектаров земли в аренду и обещал содействие. Потом Маринина Николаевна вступила в Серебряно-Прудскую ассоциацию фермеров, и у нее появились новые товарищи.

Фермеры в ассоциации делились на две отчаянные группы. Первые были жизнестойкими и удачливыми, умели дружить со всяким начальством и получать бесконечные кредиты, суды и безвозмездные вспомощество-

вания. Вторые, наоборот, были мрачные и отчаянные. Жили практически натуральным хозяйством и ничего не хотели, кроме картошки и репы. Ни те, ни другие при этом не трудились на земле как, по мнению Маринины Николаевны, следовало и не заставляли землю работать в полную силу. Первые же были побогаче. Вторые — победнее. Первых Маринина Николаевна пыталась уговорить делиться. Вторых — не отчаиваться. Ни то, ни другое не получалось.

Всё кое-как произведенную свою продукцию фермеры сдавали оптовым перекупщикам ниже себестоимости, потому что оптовые перекупщики на самом деле были бандами и не сдавали им продукцию ниже себестоимости было опасно.

И Маринина Николаевна решила начать со сбыта. Она поехала в Москву, договорилась с благотворительными организациями, чтобы те не покупали кабачки и землянику грушу для стариков и инвалидов, а заказывали ей. Выгода получилась обоюдной. Старикам имели овощи дешевле, чем в магазине, а Маринина Николаевна сдавала продукцию дороже, чем оптовым перекупщикам.

Тут-то и начались проблемы. Оказалось вдруг, что сельхозкооперативную продукцию нужно не только произвести, но еще и сохранить, и отвезти в город. А дороги нет. И телефона нет,

чтобы договориться о вывозе. И за каждой мелочью приходится ехать в Москву на переключках. Но главное — нет электричества, будь оно неладно.

Свет в окошке

Электричество в Лидино — притча во языцех. Соседи Маринины Николаевны, фермеры, давно перешедшие исключительно на подножный корм, всякий раз в ответ на ее укоры отвечают, что мол, как тут работать, если нужно поливать, приходится таскать воду из колодца ведрами. Если лето дождливое, то извоза кануло в черную землю, грязью одежду приходится стирать руками, прокипячая действительно лучшей и единственной в Подмосковье черноезем.

От рассвета до заката Маринина Николаевна все делает вручную и поэтому не успевает засадить и обработать всю выделенную ей в аренду землю. Местное начальство ставит ей на вид неразумное использование земли, но с электричеством не помогает. А ведь, если бы провели электричество, этой земли Маринине Николаевне было бы даже мало.

— Эх, кабы электричество, — говорят соседи, покуривая на солнышке. И Маринина Николаевна боится, что постепенно ей тоже станет на все наплевать.

Эх, кабы электричество! Маринина Николаевна знает, что согласно указу президента о поддержке фермеров затраты на электрификацию фермы покрываются государством стопроцентно. Но ведь сначала нужно электрифицировать.

Она пыталась получить кредит, хотя многие фермеры вот так же, понадеявшись на президента, брали кредиты под залог, например, городских квартир, строили что-то, таскали провода, представляли необходимые документы, получали официальные подтверждения, что затраты, мол, будут компенсированы в ближайшее время, и до сих пор ждут. Два года. Пять. И городских квартир у них уже больше нет.

Маринина Николаевна попробовала было заложить землю. Но ни один крестьянин в России не является частным собственником своей земли, а стало быть, землю нельзя заложить, а стало быть, нельзя обустроить, а стало быть, она не принесет плодов. Нужен закон о земле. Но закона нет, и это замкнутый круг.

Ито Маринина Николаевна все еще не сдается. Она обошла всех своих бедствующих соседей, поговорила с каждым, люди поговорили по кусочкам и купили для линии электропередачи столбы. Сами привезли и сами разложили там, где их надлежит ставить. Маринина Николаевна пошла в Мособлэнерго:

— Протаните линию! Почти все готово.

— Нет,— сказал Мособлэнерго.— Заплатите, тогда протянем.

— Так ведь государство заплатит! Указ президента.

Но Мособлэнерго молчит. Видимо потому, что в отличие от Маринины Николаевны, совсем не надеется на государство.

А земля лежит мертвым грузом. Лучший в Подмосковье чернозем не дает ничего, кроме бурьяна. А какая-нибудь пенсионерка в Москве спрашивает продавщицу, сколько будет стоить купить один... огурец.

Хорошо хоть у Маринины Николаевны есть дочь Лидия, которая, вместо того чтобы ходить на вечеринки и думать о личной жизни, копается в земле от рассвета до заката. Может, правда, потому что это родная земля? Может, правда, бес нас она не оставит?

Скажите, часто вы подаете нищам на улицах? Я лично не подаю почти никогда. Но если к вам на улице подойдет человек и скажет: «Подарите мне молоток, я стану каменистом, буду кормить свою семью своим трудом и строить для людей прекрасные дома», — ну если бы вы не подарите ему молоток?

Маринина Николаевна борется. Стойко преодолевает тысячи трудностей. И совсем чуть-чуть ей не хватает, чтобы победить. Всякий, кто захочет подарить ей свет в окошке, может обратиться в Российский фонд помощи.

Адреса чужой беды

Перед вами свежая подборка писем Российского фонда помощи. Всего восемь писем — ничтожно малая часть почты. Но в них боль и отчаяние, борьба и надежда. Готовя очередную подборку, мы всякий раз перебираем: а вдруг окажется незамеченной? А потом радуемся вашим откликам. Мы очень надеемся на вашу помощь и в этот раз.

Пишу, хотя и понимаю, как мало надежды на понимание. Я руководжу городским центром соцпомощи, и помогаю таким, как Сергей Аксенов — моя прямая обязанность. Но что делать, если городок наш дотационный, единственная шахта вот-вот закроется и казна пуста? Участник бою в Чечне Сергей Аксенов был уволен из армии в 1995 году в связи с ранением и ампутацией ноги, а протеза подобрать до сих пор не может. Государство изготовило ему аж два: один в Ростове, другой в Челябинске. Но пользоваться ими при такой ампутации Сергей не в состоянии. Он списался с одной фирмой в Москве, и та взялась изготовить удобный протез. Но протез стоит 17 тысяч рублей, а весь доход Сергея — 388 р. пенсии. Живет он с матерью и братом-школьником. Рассчитывая на нас, как вы уже поняли, ему тоже не приходится. А помочь надо! Ведь молode, верит в лучшую жизнь, ему бы только потверже встать нам ноги. А. Я. Ядренников, Челябинская обл.

Пишет вам бабушка двухлетнего Игорька Голицына. У моего внука врожденный порок сердца. С апреля этого года состояние ребенка ухудшилось, участились приступы одышки (теперь они случаются по несколько раз на день). Начав задыхаться, мальчик силенет, а затем теряет сознание. Необходима операция на сердце с искусственным кровообращением в Институте им. Бакулева в Москве. Но операция стоит так дорого — 30 тысяч рублей! — что нам она не под силу. Мы живем очень скромно. Я врач, муж — электрик, сын — рабочий, сноха — учитель (сейчас и вовсе не работает, в отпуске по уходу за Игорьком). Страховая компания отказала нам в финансировании, ссылалась на приказ Минздрава РФ. По нему такие операции выполняются за счет средств федерального бюджета. Но казна пуста, и мы бегаем по белу свету со слезами на глазах. Спонсоров у себя в районе найти не удалось. Тогда мы взяли ссуду в 5 тысяч рублей, еще 10 тысяч набрали в долг у друзей и родни. Но что делать теперь, я просто ума не приложу: ребенок может погибнуть только из-за того, что мы бедны? Люди добрые! Помогите! Голицына Лариса Михайловна, Волгоградская обл.

В Институте им. Бакулева экономист Нина Цанева подтвердила стоимость операции для младшего Голицына. По словам же Елены Чукиной, сотрудницы Волгоградского облуправления соцзащиты, к нам обратилась «очень хорошая семья, попавшая в отчаянную ситуацию: областной бюджет помочь ей не в состоянии». Российский фонд помощи располагает банковскими реквизитами клиники. Деньги можно отправить туда с пометкой: «Для Игоря Голицына».

Интеграционный детский сад «Наш дом» создан несколько лет назад. В нем и здоровые дети, и дети с проблемами в развитии. Специалисты сада помогают им преодолеть трудности роста и общения. У нас сплоченная команда единомышленников: воспитатели, логопеды, игротерапевты, невропатологи, психологи. Ежедневно в саду играют и учатся около полусотни детешек. 20% из них — те самые проблемные дети. Индивидуальные занятия и детское общение творят чудеса: эти 20% умнеют почти на глазах. Но что не менее важно: родители обычных ребят тоже в один голос утверждают, что их дети становятся заметно добрее к окружающим и вообще... взрослее. Потому что учатся помогать слабым, опекать их. Словом, сила тоже бывает нежной.

О нас уже знают за рубежом, едут, перенимают опыт. Но уникальные методики требуют уникального оборудования, а средств на эти цели явно не хватает. Я совершенно случайно узнала о вашем необычном фонде и подумала: может, найдутся люди, которые живут не одним днем, думают о будущем своих детей и которые финансово поддержат наше начинание? Директор «Нашего дома» Валентина Алексеева, Москва.

Таких сейчас очень много. Наверное, мало, потому что у Алексеевой нет адосов от просьбы о приеме. Так вот, «Наш дом» очень нуждается в новой мебели (столы, парты, стулья) на 34 тысячи рублей, а также в «своем законном времени» (пока вынуждена сдавать для обследования ребятшек на томографе (20 тысяч рублей на год). Банковские реквизиты торгующей фирмы и поликлиники есть в фонде помощи.

Усылила о Российском фонде по радио и, как утопающий хватается за соломинку, пишу к вам. Будучи инвалидом второй группы, одна воспитанница двоих детей-школьничков. Моей пенсии в 355 рублей не хватает даже на питание. Детские пособия два года не платили, а нынче стали отговаривать хлебом, по булке в день. Других доходов у нас нет. Состояние здоровья не позволяет мне трудоустроиться. И чтобы мои дети росли в семье, а не в детдоме, собираю милостыню. Помогите нам, пожалуйста. Очень прошу в моей просьбе не отказать, за что заранее благодарна. Матвеева М. Ф., Красноярский край.

«Хорошая семья у Марии Федоровны», — заявил нам после проверки письма Матвеевой заместитель начальника краевого управления соцзащиты Юрий Егоров, — дети послушные, прилежно учатся. Ей сейчас очень трудно, одна надежда: ребята закончат школу и найдут работу». А пока дочь Матвеевой перешла в 11-й класс, сын — в 10-й. Девушке нужна одежда 48-го размера и обувь 38-39-го, а парню: одежда — 48-50-го, третий рост, обувь — 43-го.

Работая у частным педиатром. Взять на воспитание племянника, и она стала мне дочерью. Катя родилась тяжелой больной, родители оказались от девочки. Вдвоем и живем. У нее очень грустная и трудная судьба. Масса болезней, инвалидность с детства. А в восьмилетнем возрасте был обнаружен еще и S-образный сколиоз. Мы обращались к специалистам Москвы и Ленинграда, но лечение было консервативным. А в последние время у Катюхи появился еще и болевой синдром. У нее два горба, в грудной и поясничной областях, и они увеличиваются. Недавно мы узнали о французском методе лечения в Новосибирском республиканском центре ортопедии позвоночников. Мы поехали там, и вот радость: сибиряки берутся облегчить болевой синдром, убрать один горб. Второй останется, но процесс будет меньше прогрессировать. Операция стоит \$5775. У меня таких денег нет. На помощь, конечно, пришли друзья и коллеги, но не хватает еще \$3600. Пожалуйста, помогите нам, будьте великодушны. Лицевой счет Катю в Сбербанке и банковские реквизиты Новосибирского центра высала. Мельникова Нина Гавриловна, Москва

Беда пришла в мой дом вслед за радостью. Ребенок, которого я так долго ждала, родился здоровым. Через год последовал приговор врача: детский церебральный паралич. Никакими словами не объяснить чувство, что охватывает вас при выдаче на ребенка пенсионного удостоверения со страшной записью «инвалид». Это слово я долгие месяцы проговаривать вслух. Я и сейчас не верю в инвалидное будущее мальчика. И никогда не соглашусь поверить. Трижды лечились в Канском детском центре, обращались к знахаркам. Никакого результата. Сыну сейчас два годика, он плохо держит голову, не сидит, не разговаривает. Мышцы Костики напряжены настолько, что я с трудом его одеваю. Теперь единственная моя цель в жизни — поставить Костю на

ноги. Я писала во многие медцентры страны. И вот появились надежда. Откликнулись московские врачи, они прогнозируют положительные результаты. Но эта помощь — платная, а у меня нет средств. Организация, где я работала до родов, отказала, а больше мне обращаться не к кому. Время уходит, при нашем заболевании чем раньше начать лечение, тем лучше результат. Москвичи настаивают на двух как минимум курсах, каждый по 3,5 тысячи рублей. Но нам сейчас хотя бы на один курс собрать деньги. Умоляю, помогите моему сыну! Савенкова Валентина, Татарстан.

Детская поликлиника городка, где живут Савенковы, подтвердила диагноз Кости. А сотрудники Минбосвета Татарстана переслали нам банковские реквизиты московского медцентра, где берутся лечить мальчюка.

По традиции, сложившейся в журнале «Домовой», в подборке писем Российского фонда публикуется одно-два из уже напечатанных, но пока не нашедших своих читателей. Как правило, люди откликаются. Вере Мелюхиной (см. ниже) из Пермской области повезло сразу: 5 миллионов рублей в конце минувшего года на операцию для сына Вовы читатель ей выслал. Правда, потом вышел казус. У колхозной дворки, более двух лет не получавшей зарплату, местная власть потребовала уплаты подоходного налога с тех 5 миллионов. Мы обратились за разъяснением к начальнику территориального управления Госналогслужбы РФ Юрию Артоху. И услышали: формально пермаки правы, так вот родное законодательство. Его же можно толковать и так, «хотя здесь ясная ситуация». «А если для Мелюхиной те переводы вообще возврат долга, тогда как?» — «Тогда пермаки не правы», — рассмеялся г-н Артох и попросил неделю на разбирательство. А вскоре законопослушной Мелюхиной, успевшей уже расстаться с 600 тысячами, налоговики вернули деньги. Так что обошлось. Но вот новое письмо: Наконец-то Вовки сделали операцию. Было два порока сердца, Вада все перенес хорошо. После операции лечение тоже прошло гладко, но мальчик очень слаб. Теперь швы сняли и предложили пансионат. Да какой там — на это опять нужны деньги. Заберем домом. Но на лекарства и усиленное питание денег тоже нет. Поэтому я вновь, как ни стыдно, обращаюсь к вам. Если можно, помогите, пожалуйста, тысячу или хотя бы пятюстами рублями. В колхозе мужу больше 300 рублей не дают, а председателю на курорт уехал. В соцзащите ходить без толку — после истории с возвратом налога только и разговоров, какие у меня в Москве благодетели. Вы и в самом деле самые дорогие нам теперь люди. А я вас даже в глаза не видела. Дай Бог вам здоровье! Вера Мелюхина, Пермская обл.

Дорогие друзья! Мы обращаемся к вам даже не с просьбой, а с криком о помощи. Российский фонд помощи уже неоднократно спасал детей из Республиканской детской клинической больницы. Сегодня речь идет о жизни 9-летней Наташи Глинушкиной, у которой рак крови. Мы уже сообщали вам о страшной беде, в которую попала эта девочка, и тогда откликнулась одна из московских фирм. Ее представитель с завидным энтузиазмом пообщал сразу же «защиты» купит необходимую лекарственную АТТ (антилимфоцитарный глобулин). У родителей и ребенка загорелась надежда на выздоровление. Но, к сожалению, минуло три недели, а лекарства до сих пор нет. Сейчас положение стало угрожающим, АТТ необходим немедленно. Время упущено, поскольку мы больше нигде не обращались, теперь счет идет не на месяцы и недели, а на дни. Мы просим спасти ребенка. Любое пожертвование способно помочь начать курс лечения, общая стоимость которого \$5000. Да благословит Вас Господь! С уважением и надеждой, община и настоятель волевого храма Покрова Пресвятой Богородицы священник Георгий Чистяков, Москва.